

Пальчикова О. А.

КОНЦЕПТ "НАЦИЯ" ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/66.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. I. С. 162-166. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

дедушки где-то учились, имели хобби, работали, а не сразу стали пенсионерами. Приносят фотографии, видеofilмы, коллекции марок, монет, с увлечением, хоть и с ошибками рассказывают о своей семье.

Проект «Привет! Красноярский монтажный колледж!» - это мой первый и самый любимый проект. Студенты, которые его готовили и проводили, уже закончили колледж, но каждый год, показывая новичкам его видеозапись, волнуясь и вновь переживаю. Направленные ролевые игры также хорошее средство воспитания ответственности за порученное дело, становления коллектива. Студенты могут пробовать себя в разных ролях - от руководителя туристической фирмы, топ-менеджера, туриста, до режиссера, сценариста. Происходит погружение в языковую среду, и как следствие, лучшее усвоение учебного материала. Ролевая игра «Путешествие по немецкоговорящим странам» проводимая в рамках темы наиболее удачный пример.

Студенты любят «посидеть и пообщаться» в клубном кафе. Если не хватает словарного запаса, в ход идет мимика и эмоции, что важно в коммуникативной методике. В ходе этой направленной ролевой игры тренируются лексические единицы и речевые образцы по теме «Еда и напитки», студенты учатся терпимо относиться к чужим традициям, привычкам, гордиться своими традициями, учатся быть взаимно вежливыми и внимательными. Такая игра быстро готовится и в каждой группе - свои импровизации.

Творческие работы студентов обязательно выставляются для всеобщего обозрения и высоко оцениваются. Это - сборники стихов, коллажи, красочные плакаты, устные журналы, рисунки и даже живописные работы. Постоянными стали и компьютерные презентации, которые от года в год становятся все более качественными и интересными.

Сообщения о деятелях искусства - это не просто словесные портреты, а иллюстрированные, музыкальные зарисовки.

Особый интерес у студентов вызывают темы, связанные с проблемами образования, спорта, времяпрепровождения молодежи, отношения между людьми, службы в армии, а также проблемы, связанные с распространением наркотиков, СПИДом, алкоголизмом, взаимоотношением полов. Страноведение, менталитет, тоже не остается в стороне. В процессе воспитания все важно - обстановка на уроке, настроение преподавателя, его речь, манеры, внешний вид, компетентность. Нужно много работать над собой, любить свою работу, с уважением относиться к личности студента, постоянно учиться, совершенствоваться, чтобы соответствовать определенному уровню, той планке, которую поставил перед собой.

В заключение хочу подчеркнуть, что воспитывать - значит создавать условия, при которых посредством вызова определенного отношения к фактам и явлениям окружающей действительности у молодого человека формируется собственная система ценностей.

КОНЦЕПТ «НАЦИЯ» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Пальчикова О. А.

Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов

Концепты - это единицы концептуальной системы в их отношении к языковым выражениям. Концепт - это представление о фрагменте мира, которое формируется общими для носителей языка признаками, которые дополняются признаками индивидуального опыта и личного воображения.

Концепт состоит из отдельных, но в то же время спаянных в единую структуру фрагментов - областей концепта. Так, в концепте НАЦИЯ нами выделено 5 областей. Имеют также место случаи, когда, в силу разного рода коммуникативных задач, вербализации подвергается только одна из областей концепта. Области активируются и находят проявление через языковые знаки [Алимурадов 2003: 214-217]. Чтобы восстановить структуру концепта, необходимо исследовать весь языковой корпус, в котором репрезентирован концепт.

Нами были выделены ключевые слова концепта НАЦИЯ - nation, race, peuple, pays, patrie, Etat - на основе их встречаемости в текстах второй половины XIX века с учётом собственной языковой интуиции. Анализ их словарных дефиниций, приведённых в Grand dictionnaire universel du XIXe siècle в 17 томах, изданного в издательстве Ларусс в период с 1865 - по 1890 года, выделенный семный набор, а также реализация данных языковых единиц в текстах второй половины XIX века предоставляют данные для экспликации данного концепта и выделения его компонентов, таких как: 1. территория; 2. язык; 3. порода и дух; 4. общее прошлое и традиции; 5. религия.

В конце XIX века национальный вопрос встаёт особенно остро в силу объективных исторических и политических причин. Франко-прусская война 1870 - 1871 годов принесла Франции горечь и позор поражения. По Франкфуртскому договору победившая Германия обязала Францию уступить ей Эльзас и часть Лотарингии. Это событие настолько поразило национальное сознание, что проблема потерянных провинций надолго отодвинула все другие политические вопросы на второй план, а французские писатели и философы конца XIX века размышляют о сущности национальной самобытности. Крупнейший французский мыслитель второй половины XIX века Эрнест Ренан прямо ставит вопрос «что такое нация?» и ищет на него ответ. Другой французский писатель и философ Морис Баррес заявляет от лица всей нации: «мы не хотим быть немцами» [Barrès 1963: 8]. Рассмотрим концепт НАЦИЯ данного периода через тексты, наиболее ярко отражающие национальное сознание французского народа.

Итак, территориальная потеря провинций разожгла французский национализм, и, следовательно, компоненту **территории** принадлежит важное место в концепте НАЦИЯ. Данный критерий приведён в словаре

Ларусс: «нация - это объединение людей, живущих на *одной территории* и имеющих общее происхождение или издавна общие интересы, похожие нравы (обычаи) и чаще всего одинаковый язык» [Grand dictionnaire Larousse 1865: 854-855].

В своей знаменитой статье «Что такое нация?» Эрнест Ренан приходит к следующему заключению: «Почва даёт *substratum*, арену борьбы и труда, а человек даёт душу. <...> Нация есть начало духовное, результат глубоких взаимодействий истории, духовная семья, а не группа, определённая географическими свойствами и очертаниями почвы» [Renan 1991: 41]. Всё доказательство Ренана вращается вокруг вопроса, прямо не упомянутого, но постоянно присутствующего в тексте - присоединение Германией двух французских провинций Эльзаса и Лотарингии. Ренан вступает в дискуссию с немецким философом Штраусом, который оправдывает захват Эльзаса и Лотарингии исконностью территории и кровью, для Ренана же нация составляет сознательный выбор [Лавалэ 1870: 60-62].

Данный компонент включает не только территорию, но и родную землю, и родную природу. Наиболее яркое выражение родная земля в национальном осознании находит проявление в текстах другого французского философа Мориса Барреса, который в противоположность Ренану помещает компонент территории в центр своей националистской идеи. Баррес утверждает, что истинное существование коренится в «инстинкте территории» (*instinct du terroire*). Чтобы придать смысл нашей жизни, мы должны быть в единении с землёй, на которой родились. Такой землёй для Барреса является Лотарингия, где время и пространство соединяются в красоте и унынии пейзажа. Лотарингская земля таит в себе прошлое, память о минувшем, которое может воскресить только индивид, обнаруживший себя наследником этого.

Для Барреса, помимо понятных идей разумности и сознательного движения воли, мистически переплетаются врождённые чувства и беспорядочные силы, которые привязывают индивида к своим предкам и расе, укореняют его в родную почву. Морис Баррес заявляет: «Une nation, c'est la terre et les morts», то есть «Нация - это её земля и её мёртвые». Таким образом, в барресовском понимании нация - это земля, вскормленная телами мёртвых. Баррес устанавливает механическую неизбежность, которая приковывает каждого к той земле, на которой он существует как наследник из наследников. Уже здесь мы можем отметить, что у Барреса компоненты территории, родной земли, прошлого и предков взаимосвязаны.

Альфонс Доде также стремится передать читателям эту преданность земле в своих «Рассказах по понедельникам». Так, последний параграф рассказа «Эльзас! Эльзас!» ярко отражает концепт Доде: «Долговязый, сутулый крестьянин, одетый на старинный эльзасский манер, молча созерцал своё разорённое поле. На лице его была написана подлинная скорбь и в то же время какая-то спокойная покорность, смутная надежда, как будто он утешал себя тем, что колосья хоть и полегли, но земля под ними, живая, изобильная, неизменная земля, остаётся ему, а *покуда есть земля - отчаиваться не надо...*» [Daudet 1977: 157]. Эмиль Золя изображает подобную сцену в своём романе «Разгром»: «На краю дороги стоял уединенный дом, жилище бедного крестьянина, а за домом находился скудный клочок земли. Крестьянин не пожелал покинуть свою ниву: он был привязан всеми корнями к земле; он остался, не мог уйти, не оставив здесь частицы своей плоти. Он в изнеможении сидел на скамье в комнате с низким потолком и невидящими глазами смотрел на проходящих солдат, отступление которых предоставляло ему урожай врагу...» [Zola 1892: 40-41].

Следующим компонентом концепта НАЦИЯ является **язык**. Напомним, что словарь Ларусс, составленный в период с 1865 по 1890 года, включает язык наравне с другими компонентами в определение нации. Если мы обратимся к прошлому, заглянем в историю Франции, то увидим важную роль, которую французский язык сыграл в становлении французской нации. Морис Баррес в «Моих тетрадах» воздаёт должное французскому языку, с любовью пишет, что только через язык Франция сохранила античный гений, более того, французское государство родилось благодаря языку [Barrès 1963: 180]. Эрнест Ренан, однако, не считает язык компонентом национального самосознания: «Язык располагает, но не принуждает к единению» [Renan 1991: 38].

Совершенно противоположно осознаётся язык в представлении Альфонса Доде. В «Последнем уроке» Франция ассоциируется с французским языком. Господин Амель посвятил его преподаванию всю жизнь, французский язык для него «это прекраснейший язык в мире, самый ясный, самый стойкий, что надо сохранить его и не забывать его никогда, потому что, *пока народ, обращённый в рабство, твёрдо владеет своим языком, он как будто владеет ключом от своей темницы*» [Daudet 1977: 14]. Новелла «Новый учитель» продолжает тему языкового критерия для самоопределения нации. Маленький Гаспар убегает из школы, так как не может больше выносить строгие и жестокие порядки нового прусского учителя Клотца. Мальчик кричит: «Я больше не хочу ходить в школу. Я никогда не выучу немецкий, язык грабителей и убийц. *Я хочу говорить по-французски как мой отец и моя мать*» [Daudet 1991: 93]. Может не вполне осознанно, но маленький ребёнок заявляет о своём желании языкового наследия. Французский язык становится для эльзасцев *сокровищем*, которое необходимо сохранить в страшной беде, постигшей их провинцию, а также *оружием*, с помощью которого они могут оказать сопротивление прусским оккупантам. Персонажи «Последнего урока» не наследуют пассивно французский язык. Они получают его в борьбе, свободным усилием воли. Говорить по-французски символизирует для эльзасцев, что они были французами, и что они хотят оставаться французами. Таким образом, язык у Доде становится выражением этого «постоянного плебисцита» народа (*plébiscite de tous les instants*), который, в глазах Ренана, составляет всю истинность нации.

В концепте НАЦИЯ также находим компонент **породы**, некоего физического сходства, характерного для типичного представителя какой-либо нации. Нельзя не согласиться, что в сознании людей существует некое

стереотипное представление о внешности нации. Так, например, в романе «Разгром» француженка Сильвина кричит пруссаку Голиафу, от которого она родила ребёнка: «Он пруссак? Нет, нет! Он француз, он родился во Франции!», приводя в качестве довода французской национальности сына критерий территории, места рождения. Голиаф же этот, казалось бы, веский довод оспаривает физической схожестью с ним, с его немецкой породой: «Француз? Да поглядите на него, поглядите на меня! Ведь это мой портрет! Разве он на вас похож?». <...> Он был прав: у малыша такие же рыжеватые патлы, такие же щёки, такие же светлые глаза. Да, *это их немецкая порода*» [Zola 1892: 168].

Героиня новеллы Мопассана «Усы» Жанна в своём письме описывает прелесть мужских усов: «а также, что я обожаю, прежде всего, в усах, так это то, что они - французские, действительно французские. Мы их получили от наших отцов Галлов, и они остаются отличительной чертой *нашего национального характера*. Они - наше бахвальство, галантность и лихачество», и в конце вспоминает об истории, произошедшей во время войны, когда она узнала среди убитых солдат французов по их усам: «... но все носили французские усы, очень отличительные, гордые усы...» [Maupassant 1993: 68-69].

Согласно древним представлениям европейских народов, каждый народ также имеет «свой запах», «свой дух». Такой французский дух описывает Альфонс Доде в новелле «Часы Буживаля», который всё трансформирует, вносит веселье, шум, возбуждение и беспорядок в размеренный и скучный прусский быт. Золя в своём романе «Разгром» также даёт несколько примеров весёлого французского нрава: «Сложилась легенда: французский солдат разгуливает по всему свету, деля досуги между своей милой и бутылкой доброго вина; он завоёвывал всю землю, напевая весёлые песенки» [Zola 1892: 17]. Против французского лёгкомыслия и балагурства, германская нация представляется обученной дисциплинированной армией. Про неё Вейс, один из героев романа, рассказывает: «После Садовой Пруссия усилилась, национальное движение поставило её во главе других национальных государств; это - молодая возникающая обширная империя, охваченная неудержимым порывом к объединению; система всеобщей воинской повинности превращает *всю нацию в обученную, дисциплинированную армию*, снабжённую мощным снаряжением, закалённую в большой войне, ещё овеянную славой молниеносной победы над Австрией» [Zola 1892: 16]. В новелле «Новый учитель» Доде дисциплинарный прусский дух царит на уроках нового учителя Клотца: «Наша школа очень изменилась после ухода господина Амеля. При нём у нас всегда было несколько минут отсрочки по утрам, по приходе в школу. Мы собирались в кружок вокруг печки, чтобы немножко отогреть пальцы, отряхнуть снег или град, приставший к одежде. Мы тихонько болтали, показывая друг другу то, что у нас лежит в корзинках. Это позволяло тем, кто живёт на другом конце края, подоспеть к молитве и переключке... Сегодня всё по-другому. Надо прийти вовремя. Наш новый учитель, пруссак Клоц, не шутит. Уже без пяти минут девять он стоит за кафедрой, его большая палка находится тут же, рядом, и горе опоздавшему! Так надо слышать, как деревянные башмаки стучат во дворике, и запыхавшиеся ученики кричат в дверях: «Здесь!» С этим ужасным пруссаком не проходят никакие извинения» [Daudet 1991: 91].

Согласно Барресу земля и предки наполняют последующие поколения своим духом: «Здесь [в родной земле, у Барреса, конечно, Лотарингия] каждый обтёсанный камень, те же самые названия мест и облик, оставленный крестьянам вековыми усилиями поколений, помогут проследить развитие нации, которая нам передала *свой дух*».

Наконец, «духовный принцип» мы находим в центре концепта нации Ренана, но этот дух имеет определённую основу. «Национальная идея» предстаёт у Ренана как «духовный принцип», основанный на некоей базе прошлого - общей истории, общих традициях. Итак, мы подошли к рассмотрению следующего компонента концепта НАЦИЯ, а именно области **исторического прошлого, памяти об общих предках и следование традициям**, передающимся из поколения в поколение.

Под нацией Ренан понимает «великую солидарность, установленную чувством жертв, которые уже сделаны и которые расположены сделать в будущем». Размышляя о природе нации, он последовательно отвергает все пять принципов её выделения - антропологическую расу, язык, религию, общность интересов и географию. В противовес им он утверждает совершенно новый критерий. «Культе предков, - отмечает он, - самый законный из всех; предки сделали нас такими, какими мы являемся в настоящее время». Признавая основой «национальной идеи» традиции (бессознательные стереотипы поведения), он определяет нацию как «духовный принцип, результат глубоких усложнений истории», а не группу, определяемую формой поверхности. «Нация - душа, духовный принцип. Две стороны, впрочем, совершенно совпадающие друг с другом, составляют эту душу. Одна в прошлом, другая - в настоящем, одна заключается в обладании сообществом богатым наследием воспоминаний, другая - в соглашении в настоящем, в желании совместной жизни, в стремлении пользоваться сообществом наследием, которое получено нераздельным» [Renan 1991: 41].

Важной является область прошлого в концепте нации Мориса Барреса. Земля смирения, повиновения и согласия, Лотарингия также является для писателя кельтской землёй, землёй предков. Источник энергии, сокровищница мифов, культуры и славы, древняя провинция пробуждает желание бессмертия, дремлющее в самом нашем Я. Индивид может продолжить своё существование, которое заключено в вечной силе лотарингской земли. Красота лотарингской земли таит в себе прошлое, память о минувшем, которое может воскресить только индивид, обнаруживший себя наследником этого. Баррес пишет: «Каждый ком земли, кажущийся бездушным, наполнен прошлым, и его свидетельство колеблет струны воображения» [Barrès 1917: 267]. Земля наполнена присутствием ушедших поколений. В тексте «2 ноября в Лотарингии» Баррес соединяет свою индивидуальную биографию с коллективной биографией предков; так проявляется постоянная

взаимосвязанность живых и мёртвых. Только эта связь делает осмысленным существование индивида. Баррес призывает нас обратиться к умершим, чтобы почерпнуть в этой памяти силу своей самобытности и становления: «... мы хотим соединиться с нашей землёй и с нашими мёртвыми» [Barrès 1917: 254].

С одной стороны, Баррес может считаться учеником Ренана. Провозглашая в речи «Что такое нация», что «культ предков - самый законный из всех; предки нас сделали теми, кем мы являемся» [Renan 1991: 41], Ренан открывает путь Барресу к его культуре земли и мёртвых. Однако непреодолимая пропасть разделяет концепции двух философов. Ренан разработал двоякую концепцию нации: построенная на общем прошлом, она определяется замыслами совместного будущего. Желание жить вместе в настоящем составляет главный элемент. Нация принадлежит одновременно общему наследию и коллективному созиданию. Баррес же перенимает из этого двоякого определения только первую часть, чем он полностью разрушает тонкое и противоречивое равновесие, составляющее достоинство теории Ренана. Ренан превозносил полную свободу индивидов, которые героическим усилием воли создают национальную общность, к которой они желали бы принадлежать. Баррес же только устанавливает механическую неизбежность, которая приковывает каждого к той земле, на которой он существует как наследник из наследников. Баррес верит, что спасение Франции заключается в тесной национальной общности мыслей и чувств. Все французы должны слиться в живом единстве через признание общих глубоких корней в поколениях предков, путём возврата к почве отцов. Люди утрачивают духовность, если их существование становится «бескорневым», как назвал это явление Баррес в своём романе «Вывранные с корнем». Так, философ приходит к утверждению национализма как детерминизма, то есть личность не свободна, а неизбежно обусловлена «почвой и умершими».

Данный критерий не ложится в основу концепта нации Эмиля Золя, но, тем не менее, писатель в романе «Разгром» также даёт несколько примеров важности национального прошлого. Мысли одного из главных героев Мориса обращаются то к героической истории своей родины, своей Франции: у Мориса «воскресали школьные воспоминания, заученные, зубренные уроки: коронование французских королей, священный сосуд с миром, Хлодвиг, Жанна д'Арк, *вся славная старая Франция*» [Zola 1892: 57], то история своего рода: «Потом перед ним [Морисом] встало прошлое: он вспомнил деда, родившегося в 1780 году, одного из героев большой наполеоновской армии, победителей при Аустерлице, Ваграме и Фридрихсвальде <...> при мысли о вырождении расы, которым объясняется, почему Франция, победившая при дедах, могла быть побеждена при внуках, у него сжималось сердце; это - некая родовая болезнь, она медленно ухудшалась и, когда пробил час, привела к роковому концу» [Zola 1892: 390], то неосознанная ранее любовь, переданная ему прошлыми поколениями, любовь, которая у него в крови: «Морис слушал, потрясённый, и опять с отчаянием воскликнул: «Да, император! В сущности, я его любил, при всей моей приверженности к свободе и Республике!.. *Эта любовь была у меня в крови, наверно, от деда...*» [Zola 1892: 391].

Таким образом, ни человек, ни нация не могут существовать без прошлого, без традиций, передаваемых из поколения в поколение. Из компонента общего прошлого и традиций следует выделить **религию** в отдельную область. Ведь религиозная традиция передаётся из поколения в поколение и в тяжёлые периоды может являться консолидирующей и спасительной силой для народа или нации. Пример такого патриотизма нам показывает Ги де Мопассан в новелле «Мадемуазель Фифи». В этой новелле противостояние захватчикам выражается в, казалось бы, безобидном акте: молчание колокола церкви означало непокорность и сопротивление французского народа: «С самого их [пруссиков] прихода колокольный молчал. Во всей округе захватчики встретили сопротивление только в её безмолвии. Кюре беспрекословно взял на постой и кормил прусских солдат. Он даже не раз принимал приглашение распить бутылку бордо или пива с вражеским командиром, а тот часто пользовался его благосклонным посредничеством, но не мог добиться, чтобы церковный колокол зазвонил хоть раз. Кюре скорее пошёл бы на расстрел. В этом выражался его протест против оккупации, беззлостный, молчаливый протест, единственный, по его словам, вид протеста, подобающий священнику, чьё оружие - кротость, а не кровь. И все жители на десять миль вокруг прославляли героическую стойкость аббата Шантавуана, который дерзал утверждать народный траур упорным молчанием своей церкви. И всё село, воодушевлённое этим сопротивлением, готово было до последней крайности поддерживать своего пастыря, всё готово было претерпеть, считая, что таким безмолвным протестом оно оберегает *честь нации*» [Мопассан 1978: 48].

Для Барреса преемственность и наследственность являются важными факторами для национального самосознания, и именно религия становится для него той связью, которая соединяет живых с мёртвыми. В глазах писателя католицизм является инструментом и укреплением французской культуры. «Я пришёл к католицизму скорее через национальное чувство, чем через религиозное», - признаётся Баррес [Barrès 1963: 57]. Ранее в палате парламента он говорил: «На мой взгляд, французский национализм тесно связан с католицизмом. Он сформировался и развился в атмосфере католицизма, поэтому, стараясь разрушить, вырвать из нации этот католицизм так тесно связанный с нашим образом чувствовать, вы не можете предвидеть всё то, что вы вырвете» [Barrès 1963: 85]. Таким образом, религия непосредственно связывается с прошлым, нам её передали наши предки. Автор «Вдохновенного холма» воспевае славу старинной земли и провозглашает миссию Лотарингии в Церкви и в стране Франции. Баррес однажды отметил, что на Лотарингию возложена миссия, которую должен исполнять каждый из её детей [Barrès 1963: 7]. Так, «коренные лотарингцы» Байары, главные герои романа «Вдохновенный холм», мечтают посвятить свою жизнь этой миссии. Они возновили великие лотарингские паломничества, а после революции они хотели превратить Лотарингию в очаг духовного распространения, заслонить от сил рационализма, от идолопоклонства и язычества, создать здесь

пристанище молитв и хранилище добродетелей своей расы. Баррес видит религию равно и в земле и природе. Так, вершина Сион-Водемон видится Барресу алтарём [Barrès 1913: 5], а Боги живут в природе: «... опушка леса, вершина горы, источник, простой луг, которые заставляли замолчать наши мысли и глубже прислушаться к нашему сердцу! Тише! Боги здесь» [Barrès 1913: 3]. Религия, эта «поэма, которой верят», забрызжет из земли как из мощного и очень чистого источника.

Эрнест Ренан не включает религиозный компонент в свой «духовный принцип». Продолжая развитие идеи о незаконности немецкой оккупации, он отвергает религию в осознании национальной принадлежности в статье «Что такое нация?». Он формулирует следующий довод: «Религия стала делом индивидуальной совести каждого. Деление наций на католические и протестантские более не существует. Религия <...> сохраняет и поныне всё свое значение для личной совести каждого, но она почти исчезла из числа соображений, могущих повлиять на разграничение народов» [Renan 1991: 40].

Итак, мы представили результаты концептуального анализа концепта НАЦИЯ, суть которого заключается, согласно Н. Н. Болдыреву, в выявлении концептуальных характеристик через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарных толкований и речевых контекстов [Болдырев 2001: 31]. Мы рассмотрели пять выделенных компонентов концепта НАЦИЯ, на основе чего мы можем заключить, что они воспринимаются неодинаково такими значительными философами и писателями второй половины XIX века как Эрнест Ренан, Морис Баррес, Альфонс Доде, Эмиль Золя и Ги де Мопассан. Ренан в своей знаменитой статье «Что такое нация?» последовательно отвергает такие критерии, как преданность династии, раса, язык, религия, экономические интересы, география. По его мнению, они не определяют нацию. Автор выдвигает собственную концепцию нации на основе сознательного выбора. Ренан определяет нацию как совокупность двух составляющих, одно из которых принадлежит прошлому, а другое - настоящему, то есть общее историческое наследие и желание вместе жить в настоящем. Для Барреса нация - это земля и её мёртвые. Главная сила нации заключается в преемственности предкам: «nous mettons éternellement nos pas dans les pas de nos prédécesseurs» [Barrès 1917: 217]. В его концепте нации сливаются воедино «инстинкт территории», общая память и религия как связь между живыми и мёртвыми. В сознании Эмиля Золя важен компонент территории и земли, а также породы, физического сходства. Альфонс Доде придаёт большое значение национальному языку в осознании национального единства, принадлежности к нации. В этом и заключается особенность концептуального анализа. Концепт НАЦИЯ не может быть единым для всех людей, что ещё раз показывает индивидуальный характер когниции. Между отдельными областями концепта с необходимостью существуют связи, в силу чего одна область может повлечь за собой формирование или активизацию другой. Следовательно, активизация концепта совсем необязательно предполагает переход в активное состояние всех его областей [Алимурадов 2003: 214-219]. Рассматривая индивидуальные концепты нации вышеназванных философов и писателей, мы можем, таким образом, сконструировать общий концепт НАЦИЯ во французской лингвокультуре второй половины XIX века.

Список использованной литературы

1. **Алимурадов О. А.** Смысл. Концепт. Интенциональность: Монография. - Пятигорск: Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2003. - 306 с.
2. **Болдырев Н. Н.** Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. - Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. - Изд. 2-е, стр. - 123 с.
3. **Лавалэ Эмиль де.** Современная Пруссия в политическом и экономическом отношениях / Перевод с фр. с приложением: Война между Францией и Германией, статья Э. Ренана. Переписка между Э. Ренаном и Д. Штраусом. - СПб.: Типография М. Хана, 1870. - С. 1-27 приложения.
4. **Мопассан Ги де.** Новеллы: Мадемуазель Фифи. Пер. с фр. Н. Касаткиной. - М.: Худож. лит-ра, 1978. - 301 с.
5. **Barrès M.** La colline inspirée. - Paris: Emile-Paul Frères, Editeurs, 1913. - 428 p.
6. **Barrès M.** Le 2 novembre en Lorraine in *Amori et dolori sacrum*. - Paris: Emile-Paul Frères, Editeurs, 1917. - Pp. 253-271.
7. **Barrès M.** Mes cahiers 1896 - 1923. Textes choisis par Guy Dupré, préface de Philippe Barrès. - Paris: Plon, 1963.
8. **Barrès. M.** Une impératrice de la solitude in *Amori et dolori sacrum*. - Paris: Emile-Paul Frères, Editeurs, 1917. - Pp. 147-224.
9. **Daudet A.** Contes du lundi. - Paris: Presses Pocket, 1977. - 351 p.
10. **Daudet A.** Le nouveau maître // Philippe Forest. Qu'est-ce qu'une nation? - Paris: Ed. Pierre Bordas et fils, 1991. - Pp. 91-94.
11. **Grand dictionnaire universel du XIXe siècle par Pierre Larousse.** - T. XI. - Paris: Administration du grand dictionnaire universel, 1865-1890.
12. **Maupassant G.** Boule de suif. Mademoiselle Fifi. - Paris: Booking International, 1996.
13. **Renan E.** Qu'est-ce qu'une nation? // Philippe Forest. Qu'est-ce qu'une nation? - Paris: Ed. Pierre Bordas et fils, 1991. - Pp. 31-42.
14. **Zola E.** La débâcle. - Paris: Bibliothèque-Charpentier, 1892. - 636 p.